

A dark, industrial corridor with a series of red lights hanging from the ceiling. The walls are covered in pipes and wires, and the floor is cluttered with various tools and equipment. The perspective leads the eye down the length of the corridor, which appears to be a workshop or a laboratory in a dystopian setting.

Сергей Абдалов

СУТКИ

18+

Сергей Абдалов

Сутки

«Автор»

2026

Абдалов С.

Сутки / С. Абдалов — «Автор», 2026

Бывший прапорщик, в поисках подходящей работы, обнаруживает частное охранное предприятие "ЩИТ", которое предлагает ему охранять заброшенную секретную лабораторию...

© Абдалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сутки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Абдалов

Сутки

Сутки

Я, Олег Борисов, пятьдесят два года от роду, бывший прапорщик внутренних войск, а ныне — официально безработный. В Твери работы для мужика с моей биографией немного: либо грузчиком на склад за копейки, либо вот так.

Агентство по найму называлось скромно — «Щит». Офис располагался в подвале жилого дома на окраине Пролетарского района. Директор, лысый мужик с желтыми от никотина пальцами и глазами без ресниц, протянул мне через стол распечатку.

— Слушай внимательно, Борисов. Место специфическое. График сменный. Сутки ты там один. Потом трое отдыхаешь. Оплата наличными, сразу после смены.

— Что охранять? — спросил я, разглядывая схему проезда. Конечная точка упиралась в глухой лес Калининского района, километрах в тридцати от города.

— Бывший научно-исследовательский комплекс. Проект закрыт еще в девяносто пятом. После этого внутрь самих лабораторий человеческая нога не ступала. Сейчас объект принадлежит частному фонду консервации. Твоя задача проста: обход периметра трижды за смену, проверка замков на внутреннем контуре и контроль датчиков движения. Там их три штуки на весь километр территории. Главное правило — не покидать главный корпус до приезда напарника. Ни при каких обстоятельствах. Даже если услышишь крики или увидишь пожар. Понял?

— Понял, — кивнул я. — А что внутри? Почему такая секретность?

Директор усмехнулся, обнажая металлические коронки.

— Говорят, при Союзе там изучали влияние ДНК насекомых на развитие раковых клеток. Лаборатория под кураторством Комитета. Как по мне, так это очередное отмывание денег при союзе. Ну тебе об этом не нужно беспокоиться. Старьё там одно: ржавчина да бетон. Сутки отсидел в тепле, получил свои «карманные», и гуляй...

Старьём это было назвать сложно. Когда старый «УАЗ» работодателя с дежурным водителем за рулём, пробился сквозь заросли борщевика к главным воротам, я присвистнул. Это был полноценный подземный город. Вернее, его надземная часть — приземистый бетонный куб главного входа, обшитый потемневшим алюминием. Никакой охраны, никаких собак. Только мёртвые прожекторы на вышках.

Мой пост находился в комнате дежурного на первом этаже. Толстые стены глушили любые звуки снаружи. Первый сменщик, мужик лет семидесяти в засаленной служебной форме и копной седых нечёсанных волос, бросил мне на стол связку ключей, и потирая задницу, пожаловался:

— Тяжело на одном месте сидеть: артроз так и давит на суставы.

— А обходы не помогают? — спросил я, принимая ключи и оглядывая комнату.

— Да ну их, — махнул старик. — Чего тут обходить? Не сегодня завтра погонят нас отсюда. Всё, что вокруг увидишь, сносить до чиста будут и по новой заливать бетоном. Утилизация у правительства назрела. Сперва два-три поколения надышаться радиацией, а потом у них утилизация!

Старик ещё долго ворчал себе что-то под нос и размахивал руками до самих ворот. Потом он уселся в машину, и та, разбрасывая грязью, стартовала с места...

Первый обход прошел спокойно. Длинные коридоры, обитые пожелтевшим звукоизолирующим покрытием. Массивные герметичные двери со штурвалами. На дверях — трафаретные надписи: «Сектор-А», «Реакторная заглушка», «Архив. Уровень доступа-0».

На втором часу я нашёл столовую. Огромный зал с кафелем цвета детской неожиданности. На раздаче стояли стальные баки. Я заглянул в один из них — внутри лежал ссохшийся, почерневший комок, который когда-то мог быть картофелем.

В кабинете начальника объекта, на столе, среди рассыпавшихся в труху бумаг, стояла старая фотография. Группа людей в белых халатах улыбается в камеру. У одного из лаборантов глаза густо замазаны черной тушью. Поверх мазни кто-то давно нацарапал гвоздем крест.

К полуночи здание начало жить своей жизнью. Старые системы вентиляции то включались, то затихали с тяжелым вздохом где-то за фальш-панелями. Лампочки дневного света в дальнем конце коридора моргали в такт моему сердцу.

Я заварил себе доширак на маленькой плитке, выданной агентством, сел перед мониторами видеонаблюдения. Восемь камер показывали статичную картинку: пустые коридоры, шлагбаум, небо в сетке Рабица.

И дежурство могло закончиться обычным утром, если бы в 02:17 ночи тишину разорвал звук.

Он шёл не из динамиков прикрепленных к столбам, возвышавшийся над бетонными площадками по всему периметру. Хрип, треск статики, а затем — сухой, механический голос диктора советского радио. Запись шла с помехами, словно её проигрывали с исцарапанной магнитной ленты.

«Внимание персоналу сектора-Б! Код красный. Зафиксирована неконтролируемая утечка нейро-аэрозоля в блоке четыре. Повторяю, код красный...»

Голос оборвался на секунду, сменившись нарастающим воем сирены. Не современной электронной трелью, а тем самым, пробирающим до костей низким рёвом воздушной тревоги из середины прошлого века. Сирена била по барабанным перепонкам, заставляя вибрировать толстое стекло моего смотрового окна.

Красный плафон над дверью дежурки вспыхнул, ослепляя меня.

Сирена выла. Красный свет пульсировал, превращая комнату в сердце какого-то чудовища. По инструкции директора я должен был сидеть на месте. Но ноги уже несли меня к

выходу из дежурки. Нужно проверить датчики. Проверить сектор-Б главного подземного лабораторного комплекса. Выяснить, почему автоматика мертвого бункера решила сыграть в страшилки именно в мою первую ночь.

Сирена ударила по ушам так, что у меня потемнело в глазах. Низкий рёв не просто звучал — он давил на плечи, заставляя сгибаться пополам. Я выскочил из своей дежурки в главный коридор, и спустившись на два пролёта вниз, оказался перед сейфовой дверью ведущую в лабораторию. Со скрежетом опустив рычаг блокировки, я плечом толкнул дверь и переступил холодный порог.

Красный свет аварийных ламп мигал слишком быстро, превращая обычный сигнал тревоги в мигание проблесковых маячков. От этого стены казались мокрыми и живыми. В самом конце тёмного коридора по бетону металась жуткие тени, но они двигались неправильно: то растягивались до потолка, то сжимались до каких-то уродливых карликов. И тут свет погас. Вместе с красными лампочками. Сирена затихла, словно мне на голову внезапно напялили поролоновый гермошлем.

Я замер, выставив перед собой руку с фонарем. Сердце колотилось где-то в горле. Лёгкие принялись судорожно расширяться, засасывая через рот как можно больше воздуха. Приступ клаустрофобии, размером с грузовик, медленно придавливал грудную клетку.

Я метнулся обратно к двери. Луч света уперся в закрытую створку. Всё. Выхода нет. Возвратный механизм вернул дверь обратно и защёлкнул замок. Нужно искать другой путь или лезть в электрощит, чтобы сбросить ошибку автоматики.

Я развернулся, освещая коридор позади себя, и чуть не упал от страха.

Коридор был заполнен красной пылью. Она висела в воздухе плотным туманом, оседая на стенах бархатными пятнами. Пыль пахла ржавчиной и старыми бинтами. Я шагнул назад, пытаюсь нащупать стену, и наступил на что-то твердое. Раздался хруст, как будто я раздавил сухую ветку. Посветив вниз, я увидел россыпь мелких белых осколков. Это были зубы. Человеческие зубы.

В луче фонаря мелькнуло движение под стальной скамьей. Что-то маленькое и быстрое юркнуло туда. Крыса? Здесь?

Я направил свет под сиденье. На трубе отопления сидел старый противогаз. Не валялся, а именно сидел, вцепившись в чугунные рёбра волосатыми паучьими лапами, торчащими из нижнего отдела противогаса. Щупальца извивались, ощупывая батарею, словно искали дорогу. Один из отростков поднялся выше и коснулся стекла очков маски.

И тут я похолодел. Я был уверен, что в противогаз мог забраться какой-нибудь из подопытных пауков, типа птицеда или тарантула. Но внутри стеклянных окуляров кто-то был. Прямо на меня смотрели два человеческих глаза. Они бешено моргали, веки дёргались вверх-вниз со скоростью швейной машинки. Зрачки бегали из стороны в сторону, потом остановились, уставившись через луч фонаря точно на меня. Человеческая голова внутри противогаса смотрела осознанно, тяжело и изучающе.

Я отшатнулся, споткнулся о порог какой-то двери и рухнул на спину. Фонарь вылетел из руки и покатился по полу, высвечивая то кусок стены, то потолок.

— Нет-нет-нет, — зашептал я, отползая на локтях.

Из-под дальней двери лаборатории номер четыре потянул сквозняк. Он принес с собой такой густой запах тухлого мяса, что меня затошнило. Там, за тяжелой сталью, что-то очень большое разлагалось заживо.

Красная пыль в воздухе начала двигаться. Она больше не просто летала — она текла струйками, собираясь в ручейки, которые текли ко мне. Щупальца из противогаза вытянулись еще сильнее, становясь длиннее и толще. Они начали темнеть, превращаясь из серых в багровые, впитывая эту пыль.

Я вскочил на ноги, подобрал фонарик и бросился бежать обратно, к лестнице на второй этаж. К щитовой. Куда угодно, лишь бы подальше от этих моргающих глаз.

Но здание играло со мной.

Тяжелая дверь лестничного пролёта, которую я оставил открытой, сама собой скользнула в пазах и закрылась с глухим ударом. Лязгнули засовы.

Я метнулся к лифту. Створки сомкнулись прямо перед моим носом, едва не прищемив пальцы.

Главный выход заблокирован! Запасной выход заблокирован!

Я оказался в мышеловке. В подземном мешке, который медленно заполнялся багровым туманом. Сверху, сквозь решётки вентиляции, на меня посыпалась та же красная дрянь.

Где-то глубоко внизу, под фундаментом, раздался низкий утробный гул. Бункер вздохнул. Воздух качнулся в мою сторону, затягивая красную пыль в лёгкие. Из темноты дальнего конца коридора донесся тихий, влажный шлепок босых ног по кафелю. Кто-то шел сюда, ступая мягко и тяжело.

Я прижался спиной к стене возле электрощита, схватился за холодный штурвал дверцы и рванул его на себя.

Металл обжёг пальцы ледяным холодом, но дверь не поддавалась — её перекосило от времени или чего-то похуже. Позади в коридоре раздался тот самый влажный шлепок. Он был слишком тяжёлым для человека и слишком мягким для ботинка.

Луч моего фонаря метнулся назад по собственной воле. В красном аварийном сумраке стояла фигура. Это должен был быть человек — другой охранник, о котором мне не сказали или один из представителей утилизаторов. Но природа этого существа давно свернула не туда.

Его позвоночник вырвался наружу, пробив истлевший медицинский халат, и разросся костяными шипами, торчащими во все стороны, как ветви сухого дерева. Левая рука вытянулась почти до пола, а пальцы срослись в длинное зазубренное лезвие, покрытое чёрной слизью. Правой руки не было вовсе — из плечевого сустава рос пучок тех самых серых щупалец, кото-

рые я видел у противогаза. Они жадно шевелились в воздухе. Но страшнее всего была голова. Череп треснул посередине, обнажив пульсирующий серый мозг, опутанный венами. Из пустой глазницы тянулась еще одна нить-щупальце, которой существо ощупывало стену перед собой, слепо двигаясь на звук моего дыхания.

Мутант издал звук — низкий утробный рык, переходящий в скрежет перемалываемого стекла. И бросился вперед. Расстояние метров в семьдесят он преодолел за считанные секунды, отталкиваясь от кафеля своими жуткими конечностями.

Паника ударила в ноги адреналином. Я бросил бесполезный штурвал и кинулся прочь от щитовой, вглубь крыла «А». За моей спиной раздавалось мерзкое чавканье — мутант бежал по красной пыли, и она прилипала к его влажной плоти, становясь частью его тела.

Коридор впереди изгибался дугой. Стены здесь выглядели так, словно здание болело раком: металлические панели вспучились, сквозь швы сочилась густая жёлтая лимфа. Потолок стал ниже, нависая над головой тяжелыми бетонными ребрами. Тени от моего фонаря плясали на них, превращая обычную вентиляцию в пасти голодных чудовищ. Архитектура давила, сжимала пространство, заставляя бежать быстрее, сбивая дыхание.

Свернув за угол, я врезался во что-то мягкое, но упругое. Эта была очередная тварь. Вместо шеи из её плеч поднимались три длинных бледных языка, заканчивающихся острыми костяными иглами. Существо стояло ко мне спиной, сторбившись над чем-то лежащим на полу. Когда свет фонаря упал на него, языки резко обернулись в мою сторону, как змеи. На их кончиках открылись вертикальные щели зрачков. Существо зашипело, брызгая густой слюной, и начало медленно поворачиваться всем корпусом — ног у создания тоже не было, оно перетекало по полу, используя превратившись в щупальца обрубки таза.

Я вытянул руку с фонарём так, что луч ударил мутанту прямо в обезображенное лицо. Тварь взвыла, прикрываясь руками-плетями. Этой секунды хватило, чтобы оттолкнуть её и броситься дальше по коридору.

Ноги несли меня мимо табличек: «Архив», «Склад ГСМ», «Оружейная комната».

Оружейная? Сердце вздрогнуло так, словно проходя по автомобильному салону я увидел сумасшедшую скидку на элитную машину. Старые советские режимные объекты всегда хранили табельное оружие охраны недалеко от входа.

Дверь в оружейку была заварена толстой арматурой крест-накрест. Но сама арматура... она шевелилась. Стержни гнулись, выворачивая куски бетона из косяков. Кто-то огромный пытался выломать дверь изнутри. Замок щелкнул сам собой, и створка приоткрылась ровно настолько, чтобы я мог протиснуться боком.

Внутри пахло пороховой гарью и ружейным маслом. Комната была крошечной. Ржавые решётки шкафов, перевернутый стол. Никакого дробовика на стене.

— Нет, нет, только не это, — выдохнул я, лихорадочно шаря лучом по полкам.

И тут я увидел его. ТОЗ-194 валялся прямо на полу, присыпанный бетонной крошкой. Простой надежный помповик. Я схватил ледяное цевье. Пальцы сами передернули затвор. Внутри глухо лязгнуло. Живой металл в руках мгновенно прогнал часть липкого ужаса.

Под столом, зацепившись ремнём за ножку перевернутого сейфа, висел старый брезентовый патронташ. Я сорвал его, чувствуя приятную тяжесть на груди. Латунные головки гильз тускло блеснули в свете фонаря. Пятнадцать выстрелов. Всего пятнадцать шансов выжить против того, что ждёт меня снаружи.

Пока я застегивал ремень, мой взгляд упал на ламинированный лист, пришпиленный к внутренней стороне дверцы одного из пустых шкафчиков. Это была схема коммуникаций объекта «Химдым». Толстая красная линия обозначала главный коридор, где я чуть не погиб. Тонкая пунктирная черта вела из подвального склада через систему старой теплотрассы к заброшенному грузовому лифту. Рядом чертежа твердым военным почерком было выведено:

«Запасной выход. Код активации терминала: 802-БИС».

Карта легла во внутренний карман куртки рядом с сердцем. Теперь у меня был план. Не просто бегство, а маршрут.

Я подошел к двери, перехватив ружьё удобнее. Прислушался. Мокрое хлопанье и стук костяных лезвий о плитку стихли. Коридор молчал. Красная пыль больше не летала в воздухе — она собралась на полу неподвижным ковром, ожидая следующего сигнала сирены.

Нужно двигаться к складу. Через него — в технические шахты. Пятьдесят метров открытого пространства до поворота.

Я сделал глубокий вдох, крепче сжал холодный пластик приклада и ударом ноги распахнул дверь обратно в ад.

Я двигался спиной вперед, выставив перед собой ствол дробовика. Красная пыль на полу не хрустела — она проминалась под ногами с влажным, чавкающим звуком, выпуская пузыри газа.

За углом начинался лестничный пролёт, ведущий вниз, в складские помещения. На перилах висела старая брезентовая сумка защитного цвета. Такие носили военные химики. Внутри нашёлся противогаз ГП-5. Чёрная резина была холодной и скользкой от какой-то слизи.

Воздух становился все тяжелее, кислый запах разложения густел с каждым вдохом, оседая горьким комом в горле. Если эта дрянь действительно разъедает лёгкие или сводит с ума, фильтр даст мне хотя бы час форы.

Я натянул тугие ремни, защелкнул металлические пряжки на затылке. Мир сразу стал тесным, плоским и зеленым через круглые стекла окуляров. Собственное дыхание теперь звучало как громкий хрип умирающего животного. Но зато мерзкая вонь исчезла, сменившись запахом резины и сухим воздухом фильтра.

Склад встретил меня рядами металлических стеллажей, похожих на рёбра гигантского кита. Здесь было темнее, чем в коридорах. Луч фонаря, закрепленного прямо на стволе ружья найденной изолянткой, вяз во мраке.

Я шёл вдоль рядов, заглядывая в темные углы. Мне нужен был технический люк тепло-трассы. Согласно карте, он должен быть где-то у дальней стены, за грузовым лифтом.

Внезапно луч света выхватил из темноты что-то огромное, бесформенное, занимающее половину комнаты. Это напоминало дышащий багровый ковер, брошенный поверх перевернутых ящиков. Масса пульсировала, сокращаясь и расширяясь в медленном, гипнотическом ритме. По её поверхности пробежала дрожь, словно там ворочалось нечто живое. С краев этой массы свисали тонкие белесые нити.

Присмотревшись сквозь запотевшие стекла противогАЗа, я почувствовал, как желудок подпрыгнул к горлу.

Это не было ковром. И это не были нити. То, что я принял за бахрому, оказалось человеческими конечностями. Десятки рук и ног росли из единого туловища, которое распласталось по металлическому полу, сливаясь с ним текстурой кожи. Человек не просто мутировал — его тело растеклось, став фундаментом для самого себя. Он превратился в единый живой организм-плесень. А то, что торчало из центра этой мясной лепёшки... Там, среди складок плоти, искаженное гримасой абсолютного ужаса, еще виднелось мужское лицо. Его глаза следили за моим фонарем. Живые, полные осознанной боли глаза посреди гниющей биомассы.

Массивная дверь в следующий отсек — ту самую, что вела к теплотрассе — находилась ровно за этим существом. Путь отрезан.

Тварь почувствовала мой взгляд. Ритм пульсации изменился, ускорился. Лицо мутанта, неестественно для человека, раскрыло рот. На такую ширину невозможно зевнуть даже находясь на опере. Беззубый рот чудовища заполнил всю площадь лица, демонстрируя шевелящиеся складки на внутренней стороне щёк. Из глотки начал подниматься огромный пузырь густой желто-зеленой слизи. Она надувалась, растягивая кожу на шее. Точно так же делает жаба перед атакой. Запах даже сквозь фильтры ударил в нос кислотой и тухлыми яйцами. Мутант готовился залить весь коридор своей блевотой. Судя по состоянию дверей вокруг, этот гной проедал сталь насквозь.

У меня нет времени искать обход. Пятнадцать патронов. Этот стоит больше одного.

— Прости, мужик, — прошептал я в резиновый намордник противогАЗа.

Я прицелился чуть выше пульсирующего мешка со слизью, туда, где у нормального человека должна быть шея. Отдача двенадцатого калибра в замкнутом пространстве оглушила даже через резину. Меня толкнуло назад, плечо заныло.

Голова инженера взорвалась фейерверком из черной крови и осколков кости. Тело дернулось, издало звук рвущегося мокрого картона, и огромный пузырь желчи лопнул. Зеленая жижа плеснула на стальную дверь выхода. Металл зашипел, покрываясь пузырями белой пены, словно капля кислоты на картоне.

Не дожидаясь, пока существо придёт в себя, я рванул мимо него, стараясь не касаться шевелящихся конечностей. За спиной раздался вой, переходящий в ультразвук. Ковер из мяса колыхнулся, пытаясь подтянуть свои руки-щупальца ко мне, но масса была слишком тяжелой и неповоротливой.

Я вылетел в смежную комнату — бывшую лабораторию контроля. Столы здесь были перевернуты, мониторы разбиты. Луч фонаря зацепил край папки, лежащей прямо на полу возле опрокинутого сейфа. Папка была пропитана водой и засохшей кровью, но листы внутри остались целыми.

Я сорвал противогаз. Воздух снова ударил в легкие вонью, но сейчас мне нужно было читать. Пальцы, перепачканные гарью и слизью, листали документы:

«Объект: Испытания серии "Панцирь".

Цель: Создание устойчивого генома для ликвидации онкологических заболеваний.

Ход работ: Соединение цепочки ДНК Homo Sapiens с кодом членистоногих, обладающих врожденным иммунитетом к клеточным мутациям. Раковые клетки воспринимают новую структуру как чужеродную броню и разрушаются.»

Ниже шли результаты вскрытия первых добровольцев. Почерк врача-эксперта становился все более нервным:

«Образец №4 проявляет агрессию. Кожный покров уплотняется, превращаясь в хитин. Нервная система перестраивается. Пациент перестал узнавать персонал. Он сбрасывает верхний слой эпидермиса пластами, как змея... Под кожей обнаружены новые мышечные волокна, похожие на жгуты насекомых...»

Последняя страница была залита чернилами, но фразу можно было разобрать:

«Протокол сдерживания нарушен. Образец №4 самовольно покинул комнату испытаний. Аэрозоль вырвался из блока четыре. Фиксируется массовое заражение персонала. Код активации эвакуации изменен...»

Звук упавшей в коридоре металлической банки заставил меня вскинуть голову. Существо-ковёр ползло сюда. Оно просачивалось под дверью сплошным потоком багровой плоти, заполняя щель между полом и полотном. Что же их контролирует, если тварь двигается без головы? Образец №4, который может быть ещё жив?

Я схватил карту. Теплотрасса дальше по коридору. Нужно пробиваться через душевую зону. Я передернул затвор, выбрасывая стреляную гильзу.

Существо-ковёр просачивалось в комнату. Дверной проем оказался для него слишком узким, и плоть начала деформироваться с тошнотворным влажным звуком. Края дверного косяка закрипели, когда десятки человеческих рук, растущих из боков твари, уперлись в металл, выдавливая его наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.